

ЖЕНСКИЕ ДОЛИ

Татьяна
Казакова

Она нечаянно
нагрывает

Неужели опять чей-то дом подожгли? И вдруг - как полоснуло! Это их дом горит! Ну конечно, вон дым из-под двери! Пожар! На улице слышались голоса, она хотела закричать, но в глазах опять потемнело... Жизнь Валентины в вымирающей деревне с больной бабушкой и маленькой дочкой проходит совсем безрадостно. Приезд в деревню матери с братом делает ее жизнь невыносимой. Макс, успешный бизнесмен, приехал из Америки строить яхт клуб в живописном месте на берегу Оки. Он хорошо зарабатывает и считается завидным женихом. По натуре он сухой, расчетливый и очень сдержанный мужчина, несмотря на свою молодость. По сути, женщин немного презирал, но сегодня... В деревне начались поджоги домов, убийства людей. Имеет ли Макс отношение к этим убийствам?

«Она нечаянно нагрянет» — книга из серии женских романов «Женские доли», написанной Татьяной Казаковой.

Татьяна Казакова

ОНА НЕЧАЯННО НАГРЯНЕТ...

*Посвящается Берте
Ильиничне Кашиной*

П Р О Л О Г

Она очнулась и прислушалась — кажется, ушли, попробовала встать, но боль захлестнула, казалось, боль разорвет легкие. Со стоном опустилась на пол, затихла, стараясь осторожно дышать. Ничего, все пройдет, просто надо немного полежать и скорее отсюда... успокоиться, не торопиться. Вряд ли они скоро вернуться, а может, не вернуться никогда. Все в порядке — руки, ноги целы, а главное — успела предупредить. Дышать стало легче. Перевернувшись на бок, попыталась встать — дыхание опять перехватило. Господи, как больно! Переборов боль, она все-таки встала, вышла в сени, подергала дверь — заперто. Повернула замок... Да что же это? Как будто кто-то придерживает дверь снаружи, подергала посильнее — так и есть, на засов закрыли. Вот сволочи! Ничего, можно в окно вылезти. Она вернулась в дом, в глазах потемнело, прислонилась к стене, отдышалась и тут только заметила, что окна

снаружи ставнями закрыты. Сразу и не заметила — в доме горел свет. Как же быть? Вспомнила — в соседней комнате в сумке телефон. Надо только набрать номер. Она попробовала выпрямиться — задохнулась, можно было идти только сильно нагнувшись. «Как старушка», — усмехнулась про себя. — «Ничего, лишь бы добраться до телефона». Так и доползла до соседней комнаты и тут почувствовала запах гари. Неужели опять чей-то дом подожгли? И вдруг, как полоснуло! Это их дом горит! Ну конечно, вон дым из-под двери! Пожар! На улице слышались голоса, она хотела закричать, но в глазах опять потемнело...

* * *

— Тетя Дусь, — в окно тихо постучали, — это я, Валентина. Не посмотрите за моими? Мне в город очень надо, бабушку я покормила, поменяла ей все, на плите каша и суп гороховый. — Голос звучал просительно и немного льстиво.

Евдокия Матвеевна открыла створку и посмотрела на часы.

— Ты чевой-то, ни свет ни заря? Что за спешка такая?

— Да мне вчера Настя Копылова сказала, что пособие можно оформить, я справки-то давно собрала, да все никак не соберусь отвезти, а там

еще и очередь. Если сейчас опоздаю на восьмичасовой автобус, то...

— Да ладно, что я не знаю, что ли. Беги скорей. Конечно, присмотрю, чего уж там, не бойсь. Валь! — Крикнула, спохватившись уже вслед, — Купи нам сушек, тех, что прошлый раз привозила.

— Куплю, конечно, постараюсь пораньше вернуться! — Последние слова уже кричала издалека.

Евдокия Матвеевна вздохнула и стала собираться. Хорошо, что она привыкла рано вставать. Уже и курей покормила, и упрямую козу Мотьку подоила. Конечно, в огороде дел полно, но ничего, успеется. Вальке надо помочь, девка хорошая, уважительная, жизнь у нее только не сложилась.

Росла без отца, и то сказать, кто ж с такой бабой уживется — крикливая, бестолковая, ленивая. Клавка целыми днями по селу скакала, от одних к другим, языком трепала да семечки лузгала. Недаром ее прозвали «блоха» — блоха и есть. Муж с ней, правда, несколько лет прожил — это пока Митька их еще маленький был, а когда Валька родилась, сразу же и сбежал. И все. Ни слуху, ни духу.

Так что своего отца Валька не помнила, а Клавка дочку и не замечала вовсе, только своего ненаглядного Митеньку все жалела да баловала.

Кое-как он девять классов кончил, лоботрясничал да водку пил до армии, а после завербовался куда-то и пропал. Вот бабушка ихняя, Татьяна Иванна — совсем другая была: и в огороде, и в доме, и стирает, и за Валькой присмотрит, и совет дельный даст, и языком никогда не трепала, за что соседи ее уважали, а Валька-то за ней как кот за веревочкой, и сызмальства помогала. И такая девчонка умненькая вышла: школу одиннадцатилетку закончила очень хорошо, даже в институт наметилась, да тут у бабушки инсульт случился, а мать ее Клавка, чтоб за матерью не ухаживать, возьми да и свинти к сыночку: мол, Митенька в помощи нуждается. Обещалась через месяц вернуться — да какое там... Очень ей надо с больной матерью валандаться, она же первая бездельница и сплетница. Так что про институт Вальке пришлось забыть, пошла работать на ферму к Кольке «живодристику» — так его Евдокия Матвеевна прозвала, а за ней и все деревенские, очень уж она меткие прозвища давала. А у Кольки походочка такая — шажочки мелкие и жопой крутит, ну чистый «живодристик».

Но мужик был с головой, коровник построил, коров купил, «газель» приобрел, стал фермером: доярки понадобились, бабы, кто помоложе остался, потянулись на ферму и Валька с ними, благо рядом — бабку-то надолго не оставишь одну. Подруг у

нее не осталось, была когда-то одна Наденка, соседки их Гальки дочка, с ней бегала Валька в начальную школу в Соколово, а потом уж стала ездить в райцентр Озерное. Наденка один годок с ней вместе прокаталась, а потом ее Галька определила жить к сестре своей в Озерном, так что пришлось Вальке одной грязь месить до автобуса.

Дорогу совсем порушили со всех сторон — до Соколова теперь не три километра, а все пять надо вышагивать, с той стороны деревья стали валить за какой-то надобностью, да так всю дорогу и завалили, нонче только в обход можно пройти, а к автобусу, что на Озерный ходит, добираться по уши в грязи. Конечно, кто тут жить-то останется? Только старики да старухи. И что интересно? Старики почему-то быстро мерли, а бабки — нет, крепкие были. А уж молодежь-то давно разбежалась кто куда, даже и до Москвы, говорят, добрались.

Кавалеров в деревне тоже никаких не наблюдалось. Да откудава им взяться, кавалерам этим: что тут делать-то? Колхозы развалились, работы нет и, самое главное — нет дороги. Ближайший автобус останавливается в двух километрах от Грибков и проходит крайне редко, а тот, который почаще ездит, так и того пуще — километра три надо идти. В хорошую-то погоду — одно удовольствие, а вот, когда дожди начинаются

— беда, только в сапогах, да и то не каждый пройдет.

Раньше у них в Грибках и магазин был, и почта, а теперь почту закрыли, осталась хлипкая палатка, за продуктами ходили в то же Соколово или ездили в Озерное. А Ока? Евдокия Матвеевна вспомнила, как они на Оку ходили еще совсем недавно, до тех пор, пока деревьями дорогу не завалили. К ним в прежние года даже дачники приезжали, все нахваливали их природу: и лес рядом, и Ока и родник. Валька с Наденкой девчонками тоже бегали на Оку купаться... А теперь, что? Тьфу! Дороги нет, дачников тоже нет, погибает деревня...

Валька тут совсем одна из молодежи осталась, некоторые приезжали только на выходные, но женихов не привозили. Но откуда ни возмись, все ж таки появился у Вальки кавалер — тракторист из Соколова, Толик «лбом об столик». Никчемный парень, пьяница и гуляка. В свое время уехал на заработки в Москву, работал где-то, машины чинил, а потом вернулся, чего-то не заладилось там. Вернулся в свое Соколово, устроился трактористом. Пахал как-то Вальке огород, ну и влюбился. А как не влюбиться — небольшая, ладненькая, на щечках ямочки, носик чуток вздернутый, а коса аж ниже попы, не девка — картинка.

Валька поначалу его прогоняла, а потом вдруг замуж вышла, даже не погуляла совсем. Соседи вокруг отговаривали ее: зачем он ей сдался, пьянь такая, а она отмалчивалась и отшучивалась, да ведь видно, что не любит его, так зачем? Зачем стало понятно через несколько месяцев после свадьбы.

— Господи, Валька-то, тихушница... И когда только успели снюхаться?

— Недаром говорят: «В тихом омуте черти водятся»...

— Оно теперь понятно... И то сказать, среди местных жениха теперь не найдет. Кому нужна с привеском-то?

— Да еще бабка парализованная.

— Только все равно жалко ее, ну что это за муж? Одно слово — «Толик, лбом об столик».

— Когда ж она родить-то должна?

Деревенские подсчитывали, гадали, судили-рядили, а потом пошли другие новости, и про Вальку на время забыли. А она горбатилась на ферме с утра до вечера. Днем забежит домой, бабушку покормит и обратно.

Толик после свадьбы месяц, наверное, держался, не пил, а потом пошло-поехало. Напьется и где-нибудь валяется, хорошо, если дружки его приволокут, а то Валька сама надрывается, тащит. Он орет на всю улицу, обзывает ее последними словами, правда, не бил, чего уж зря наговаривать.

Евдокия Матвеевна сколько раз ей говорила: «Брось ты его, алкаша этого, все равно толку от него никакого», а она лишь отмахивается, а потом Анечка народилась, уж такая хорошенькая, да смышленная девочка, и совсем не похожа ни на мать, ни на отца. Чернявенькая такая, да кудрявая, а глазки синие-пресиние, и ресницы, что твое опахало. Опять стали соседи гадать, в кого ж она уродилась такая. Потом кто-то вспомнил, что вроде отец Валькин чернявый был.

А как Анечке два годика исполнилось, случилось несчастье — Толик пьяный под трактором заснул, а тот возьми, да и поехай. Валька его схоронила, честь по чести все сделала: и отпели его в местном храме, и гроб купила хороший, и поминки справила хорошие, с кутьей, холодцом и блинами. Только заметила Евдокия Матвеевна, что не пролила она ни слезинки.

После похорон Валька, бедолага, осталась совсем без средств — ферму Коле «живодристику» пришлось закрыть. Местная власть отобрала у него землю, сказала — незаконная. Коля поначалу трепыхался, бегал, все бумажками тряс, ездил в город, судился-рядился, а потом плюнул, ферму закрыл, скотину продал и уехал, говорят, в Москву, а может и куда еще — неизвестно.

Доярки, кто помоложе, отправились в город на заработки, кто-то стал выращивать на продажу

овоши. Валька тоже торговала овощами с огорода, таскала ведра к дороге: в город-то на базар не могла поехать, на себе много не попрешь, да и боялась надолго из дома отлучаться. Евдокия Матвеевна по-соседски ей помогала, тем более, что жила одна, так уж сложилось, что ни мужа, ни деток у нее не было, а Татьяну Иванну, Вальку и Анечку любила, как родных.

Когда Толик был еще жив, заходил к ним его единственный родственник, брат двоюродный, тоже из Соколова. Гостинцев привозил разных, Валька после его отъезда к ней всегда забегала, приносила конфет шоколадных вкуснющих и брата хвалила.

На похороны тоже брат приехал, и деньгами помог, оставил телефон, велел, в случае надобности звонить, да Валька не будет просить — не тот характер.

Евдокия Матвеевна закрыла калитку и заспешила к соседям, а то еще Анечка проснется, а мамки нет.

* * *

На прием Валька так и не попала, хотя и очередь была небольшая. То чиновница эта, Елена Гавриловна, без конца куда-то выходила, то в кабинет к ней заходили постоянно какие-то люди с папочками в руках. Вежливо предупреждают, чтоб

не беспокоили и сидят там, чай распивают, вернее кофе.

Валька сама видела, как секретарша на подносе заносила чашки с кофе и какие-то печенюшки тонюсенькие в хрустальной корзиночке. И так вкусно запахло кофеем, что Валька невольно сглотнула, провожая взглядом поднос.

В 13 часов из кабинета вышла Елена Гавриловна, сказала, что идет обедать, и ласково посоветовала сидящим в очереди тоже перекусить в кафе напротив. Очередь безропотно покивала в ответ, но с места никто не двинулся — знаем мол, сейчас встанем, а потом скажут, что не стояли. А еще в кафе напротив та-акие цены, нет уж, как-нибудь потерпим.

И Валька сидела, боясь пропустить очередь, и все считала, сколько перед ней человек. Вроде совсем немного. Она подумала о доченьке, о бабушке, как там они? Спасибо тете Дусе, что помогает им. Чтобы она делала без нее? Если не дадут пособие, надо как-то выкручиваться. Картошку продавать больше нельзя, надо на зиму приберечь, капусту скоро надо квасить, огурцов еще засолить, да по грибы сходить в дальний лес, там, говорят, опят много.

— Видать, нонче не попадем, — пожаловалась пожилая женщина, которая была впереди.

Валька машинально кивнула и огляделась. Очередь потихоньку таяла, она совсем уж обнадежилась и приободрилась, вот только есть хотелось очень, но она старалась не думать о еде. Вот и пожилая женщина, что была перед ней, прошла в кабинет. Валька осталась в приемной одна. Ну уж одну-то ее точно примут, и время еще полчаса до шести часов. Открылась дверь — женщина вышла, Валька шагнула вперед.

— Женщина! Вы куда? Подождите, вас пригласят, — строго сказала секретарша и вошла в кабинет с какими-то бумагами.

Валька покорно вернулась на место и с тоской смотрела на часы. Вот уже десять минут осталось... пять... одна.

— До свидания, Светочка, — Елена Гавриловна выпорхнула из кабинета и столкнулась с Валентиной. — Вы ко мне? Ну что же вы? Надо пораньше приезжать, поспать, наверное, любите. Теперь в четверг приезжайте, да пораньше очередь займите. Да, кстати, — она опять обернулась к секретарше, — я завтра немного задержусь, надо Дашеньку в музыкальную школу отвезти, Дмитрий Афанасьевич в курсе. Пока-пока.

Елена Гавриловна скрылась за дверью, оставив резкий запах духов.

— Это что же, опять приезжать? — Растерянно спросила Валентина. — Я ж тут с утра целый день просидела.

— Ничего страшного, еще раз приедете. Ну что же вы? Мне закрывать надо, я, в отличие от вас, тороплюсь, между прочим.

Валька хотела огрызнуться, что она тоже торопится, что у нее ребенок маленький, бабушка лежащая и соседку надо отпустить, но только тяжело вздохнула. По дороге на остановку вспомнила, что сушки не купила и стала озираться в поисках нового супермаркета, где покупала их в прошлый раз. Вообще, городок изменился с тех пор, как Валька сюда ездила в школу, вот только дороги, пожалуй, прежними остались — такая же грязь непролазная.

В супермаркете народу было много, естественно — все после работы, с тележками трудно было разойтись. Валька взяла корзинку: чего ей брать-то, только сушек, но пока шла по рядам, вспомнила, что масло подсолнечное закончилось, сырки купила сладкие Анечке, а еще гречку и муку. До сушек добралась с полной корзинкой.

— Возьмите сухариков с маком, такие вкусные. Я в прошлый раз брала, так мои дети за один присест все слопали, — посоветовала

симпатичная женщина с тележкой, доверху набитой продуктами.

Валентина поблагодарила, взяла пакет с сухарями и направилась к кассе. Очередь была небольшая, но в кассе сидела ученица. Она без конца открывала свой справочник, искала стоимость товаров. Валька посмотрела на часы. Господи! Время-то сколько! Она может на автобус опоздать, а следующий только девятичасовой и идет в объезд, оттуда до Валькиной деревни пять километров пехом.

Из магазина бегом бросилась на остановку, споткнулась, упала, пакет разорвался. Валька заплакала, теперь она точно на автобус опоздает, пока собирать все это будет, да еще пожадничала, купила только один пакет, а сумка у нее небольшая, все не влезет. Она стала собирать кульки с крупой, слезы капали, но она их не вытирала, стараясь собрать быстрее, может еще на автобус успеет.

* * *

Лешка подкатил тележку к машине и стал укладывать в багажник продукты. Внезапно почувствовал толчок.

— Ой, извините. Вы не подвинетесь, тут под машину мои сырки закатились.

Лешка недовольно посторонился. Женщина достала свои сырки и взглянула на него.

— Валя! Ты?!

— Леша?

Он несколько брезгливо разглядывал ее: дешевая курточка, платок, повязанный по-старушечьи и, о ужас, резиновые заляпанные сапоги — неужели это та девушка, которую он так любил несколько лет...

Лешке исполнилось четырнадцать лет, когда отца назначили начальником строительного управления в небольшом подмосковном городке на Оке, и тогда они всей семьей решили перебраться туда, поближе к его работе.

Городок, собственно, и городом стал называться совсем недавно, раньше был поселок, но все необходимое там имелось. Были несколько магазинов, поликлиника и больница, отделение милиции, почта, сбербанк, детский садик, школа. Позже построили кафе, кинотеатр и даже ресторан. Лешка пошел в восьмой класс в новую школу.

С Валею Трофимовой учился в параллельных классах, а заметил ее он на школьном вечере: она читала отрывок из «Евгения Онегина». Читала по-детски старательно, а сама была небольшая, хорошенькая и почему-то, глядя на ее ямочки, на

толстую косу и хрупкую фигурку, хотелось ее защищать, хотя вроде и обидчиков не наблюдалось.

Валя жила в пятнадцати километрах от городка в деревне Грибки с бабушкой, матерью и старшим братом, до школы добиралась на автобусе. Лешка специально выходил из дома пораньше, чтобы пройти мимо автобусной остановки, когда она приезжает. Он исподтишка наблюдал за ней, боясь насмешек приятелей, а через год их классы объединили, и так получилось, что оказались они за одной партой, вот с той поры и были неразлучны. Конечно, сразу их стали поддразнивать одноклассники, два раза Лешка даже подрался, и шутки прекратились. А вот учителя забили тревогу, вызвали родителей, предупредили, чем могут закончиться эти отношения. Валькина мать нарядилась и отправилась в город в школу. Вернулась злая и сразу набросилась на дочку.

— Смотри, Валька, принесешь в подоле — выгоню! Пойдешь тогда к своему ненаглядному, у них, небось, всего полно, они богатеи, не нам чета, это мы, деревенские, голь перекатная.

Она ругала, но про себя надеялась, что может, получится у дочери захомутать парня, выйдет замуж в богатую семью, и про родных не забудет.

У Лешки тоже был разговор с родителями, вернее с матерью.

— Лешенька, представляешь, Наталья Ильинична мне сказали, что ты влюблен в эту невзрачную деревенскую девочку, Трофимову, но я, конечно, не поверила, ведь я знаю, что у тебя хороший вкус.

— Напрасно.

— Что напрасно? — Не поняла Мария Павловна.

— Напрасно не поверила.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я люблю Трофимову Валю и невзрачной, как ты выразилась, ее не считаю.

— Опомнись, Алексей! Она же деревенская, полуграмотная девчонка, кроме косы ничего в ней нет.

— Мама, не говори того, чего не знаешь. Валя умная и хорошая, очень хорошая. И потом, мы ведь тоже не в Москве живем.

— Это разные вещи, мы москвичи, здесь мы живем временно, а после окончания школы ты будешь жить и учиться в Москве. Уверяю тебя, в институте будет много приличных девушек, уж получше этой... — Она запнулась, увидев, как он зло прищурился.

Больше ничего не стала говорить, но вечером пожаловалась мужу. Он только засмеялся.

— Ну что ты, ей-богу, всполошилась? Что он жениться, что ли собрался? Ну подумаешь,

влюбился в какую-то девчонку, ему только шестнадцать, увидишь, через год в другую влюбится, а то и раньше.

Но прошло два года, а Лешка по-прежнему был влюблен в Вальку Трофимову, а она в него. Первая близость произошла на выпускном вечере. Они убежали к реке и там целовались до одури, пока совсем не потеряли голову.

Лешка целовал плачущую, растерянную Вальку, с восхищением гладил распущенные волосы.

— Какая ты красавица! С тебя картину хочется писать. Вальш, ну что ты? Не плачь, пожалуйста, ведь мы любим друг друга, мы поженимся, и все будет хорошо, вот увидишь.

— Ты уедешь в город учиться, а я здесь останусь.

— Но ты же хорошо училась, поедем вместе, будем к экзаменам готовиться...

— Я не могу бабушку оставить, и потом мать не работает, а Митька уехал. Как они тут без меня?

— Да тебе о себе надо думать, тебе учиться надо, ты же хотела в педагогический поступать.

— Нет, не могу я их бросить. — Она тяжело вздохнула.

— Валя! А о тебе кто подумает?

— Нет, Леш, — упрямо покачала головой, — я сейчас дома нужна. А знаешь, что? Я годик

поработаю, а на будущий год буду поступать. А ты меня подождешь, да? Не забудешь?

— Ну что ты говоришь? Как я могу забыть тебя? Ты моя любимая, самая красивая, ты такая... — Он не договорил, стал ее целовать.

Лешка уехал в город, поступил в институт, письма она попросила писать в.

Соколово, «до востребования». Получив первое письмо, не утерпела, прочитала по дороге в автобусе, потом дома бабушке. От бабушки у нее не было секретов. Бабушка слушала, молчала, только с любовью смотрела на нее. Иногда на подушку текли слезы. Валька нежно гладила ее, вытирала слезы, потом перечитывала письмо про себя и аккуратно складывала в коробку из-под конфет. Мать к ним не заходила, ее и дома-то почти никогда не было, целыми днями бегала по соседкам и без конца грызла семечки. Господи! Как же Валька их ненавидела! Не успеет убраться, опять от них мусор. Когда мать, получив очередное письмо от Митьки, сказала, что надо бы ему помочь, Валька даже обрадовалась. Та быстро собралась в дорогу и укатила. Вскоре прислала одно письмо, что у Митеньки все хорошо, зарабатывает много, собирается жениться, надо бы ему подсобить с обустройством, а потом уж и домой вернется. Больше писем не было. Валька писала несколько раз сама, но ответа так и не дождалась. А тут дядя

Коля «живодристик» зашел как-то и стал звать к себе на ферму. Доить коров Валька умела, работы другой все равно не было, да и ферма была рядом, днем можно было домой забежать к бабушке, ее всегда отпускали.

Первые два месяца Валька так уставала, что, приходя домой, сразу засыпала, даже есть не могла. Зато платили исправно, зарплату никогда не задерживали, и даже премию дали. На Новый Год приехал Лешка, но у Валентины было столько работы, что встретились они всего пару разочков. А еще через два месяца Валя заподозрила, что беременна, но все же сомневалась, хотела сразу же написать Леше, но решила прежде к врачу сходить, чтобы наверняка узнать, так ли это.

В городке в поликлинике к гинекологу сидело несколько женщин, Валька заняла очередь и достала книжку.

— Кто последний? — Услышала над собой. Она подняла голову — перед ней стояла Мария Павловна, Лешкина мать. — Я, здравствуйте, — тихо сказала она и спряталась за книжку.

Валька чувствовала, что Лешкина мать ее недолюбливает, хотя Лешка ничего такого не говорил. Мария Павловна кивнула в ответ и досадливо поморщилась, оглядывая ее. Господи! И угораздило же Лешеньку влюбиться именно в эту деревенскую девчонку. Личико, правда, смазливое,

но одета — просто кошмар. Курточка страшенькая, замызганная, а на ногах сапоги резиновые. Господи, ну кто в наше время ходит в резиновых сапогах? Интересно, зачем это она к гинекологу пожаловала. Неужели... Да нет, не может быть, во всяком случае, она будет начеку.

— Заходите!

Валька неловко поднялась и вошла в кабинет. Врачиха осмотрела ее и подтвердила беременность.

— Замужем?

— Нет.

— Что будем делать?

— А что делать?

— Ну рожать или аборт?

— Не знаю, — растерянно прошептала

Валька.

— А кто знает? Парню-то сказала?

— Нет еще.

— Ладно, давай определяйся, только быстрее, а то аборт будет поздно делать.

Валька вышла, не заметив каким недобрим взглядом проводила ее Лешкина мать.

— Ой, здравствуйте, Мария Павловна! Что же вы в очереди стояли? Проходите, пожалуйста.

Врачиха, лебезила перед пациенткой, поскольку ее муж работал в Управлении под начальством мужа Марии Павловны.

— Да вот время выкроила, думаю надо зайти провериться — давно ведь не была.

— Правильно сделали. Раздевайтесь вон там за ширмочкой. Все надо вовремя делать.

— А что девушка передо мной была, ну с косой, нездорова?

— А, русская красавица... Почему нездорова? Она беременна, да молодая, глупая, не знает еще оставлять ребенка или нет. А зачем ей ребенок? Ей и восемнадцати нет и без мужа...

— И не говорите... Зачем себе жизнь портить?

Неделю Мария Павловна все думала и гадала, как поступить. Ведь если узнает сын, что Валька беременна, тут же женится на ней, учебу бросит, а в лучшем случае посадит ей на шею жену и ребенка. Вот ужас! Она даже передернулась от этой мысли. Нет, надо что-то предпринять, иначе жизнь сына, да и ее, будут загублены. Как только решение созрело, Мария Павловна с утра поехала в Москву к сыну. В квартире чисто, обед приготовлен, не зря она платит деньги соседке по площадке Наталье Николаевне, та со своими обязанностями справляется хорошо. Она послонялась по квартире, заглянула в комнату к Лешеньке, и сразу увидела конверт. Не задумываясь, вскрыла — так и знала, вот оно. Хорошо, что Лешенька не читал. Письмо было от Вальки, она сообщала, что беременна и

спрашивала, что ей делать. Мария Павловна услышала шум открываемой двери и быстро спрятала письмо в карман.

Она кормила сына обедом, спрашивала об институте, рассказывала о сельских новостях и как бы между прочим заметила, что видела в кинотеатре Валю Трофимову с кавалером, кстати ее часто видят с парнями, говорят, гуляет напропалую, а с виду такая скромница.

— Не может быть, — Лешка отбросил вилку, — ты ошиблась.

— Нет, я не ошиблась, а вот ты как раз очень ошибался в этой девушке. Да, кстати, наш сосед, твой одноклассник Дима Петренко, он может подтвердить, он же ее хорошо знает.

— Все равно, я не верю.

— Ну как хочешь, — легко согласилась Мария Павловна, про себя подумав, что Дима подтвердит все, что нужно — куда он денется, кругом зависит от мужа, вот недавно денег одолжил на мотоцикл. Так что здесь она спокойна, а вот с Натальей Николаевной надо поговорить, чтобы никаких писем из деревни Грибки не передавала.

* * *

Валька растерянно хлопала глазами — никак не ожидала встретить свою первую любовь. Какой

он красивый, черные кудрявые волосы и синие глаза — вылитый Анечка, вернее, она вылитый отец, который и знать ее не захотел. Валька как бы очнулась, вспомнив обиду. Сколько писем — и все напрасно, ни словечка в ответ. Однажды она даже решила позвонить, поехала на почту в Соколово и под пристальными взглядами всех сотрудников набрала его номер. Она не могла прямо сказать о своей беременности, только спросила, почему он не пишет.

— А разве в этом есть необходимость? По-моему ты этого не хочешь.

— Неправда, я хочу... — Она запнулась, чувствуя, как все окружающие прислушиваются к разговору. — Когда ты приедешь? Нам надо поговорить.

— Только летом, после экзаменов, тогда и поговорим.

— Летом... — Прошептала она и повесила трубку.

С почты ее провожал Толик, он и раньше пытался ухаживать за ней, но раньше был Леша, а теперь... Валька не стала отвергать кавалера, а через месяц он позвал ее замуж, тогда она честно сообщила ему, что беременна. Толик ответил, что ему все равно, он ее любит, будет заботиться о ребенке и обещал бросить пить. Валька сказала, что подумает, ночами плакала и хотела еще раз

позвонить Леше, но срок прошел — аборт делать поздно, и она решила, пусть уж лучше Толик, чем быть матерью одиночкой.

— Ну как живешь? Чем занимаешься?

Валька неопределенно пожала плечами, не зная, что сказать.

— Да так, по дому.

— А, ну да, дом, семья. — Он замялся, но все-таки спросил — Как дома?

— Нормально.

— Учиться не надумала?

— Пока нет...

— Леша! Ну что же ты? Я ищу тебя на той стороне, а ты все еще здесь копаешься — Красивая девушка в стильной кожаной курточке, помахивала конвертом.

— Смотри, какие чудесные фотографии получились, особенно, где мы на пляже.

— Лиза, я тут случайно одноклассницу встретил, вот...

— Да? — Она бросила небрежный взгляд на Вальку.

Валька потянула носом, вдыхая приятный аромат духов, и тут же покраснела, испугавшись, что вдруг от нее пахнет потом. Она засуетилась, запихивая пакеты в сумку, а они, как назло, не помещались.

— Да что же это такое? — Бормотала Валентина, готовая выбросить продукты, лишь бы поскорее уйти от них, таких красивых и чужих.

— Подождите, у нас в машине полно пакетов, — с этими словами девушка открыла багажник, достала пакеты и с улыбкой стала помогать Вальке переключивать продукты.

Алексей переминался с ноги на ногу.

— Значит, вы учились вместе? Здорово.

— Спасибо, я пойду, до свидания, — Валька неловко подхватила пакеты и пошла в сторону остановки.

— Валя! Постой!

— Мне некогда, я опаздываю, — крикнула она, не оглядываясь.

Автобус ушел — она опоздала. На остановке никого. Валька в бессилии опустилась на скамейку под навесом и заплакала. Какая она дура! Так ждала этой встречи и что?...

Она заметила Лешкин брезгливый взгляд, заметила участливый взгляд его знакомой... Лизы... Девушка была такая красивая, не то, что она... Как она сказала? «У нас в машине». У них... И фотографии... У них... А она? На что она надеялась? Еще раз дура! Все! Забыть навсегда! У нее есть Анечка, а их вычеркнуть из памяти, из жизни...

А дома ожидал сюрприз — незнакомый мужчина, который, оказывается, очень долго ее ожидал. Тетя Дуся слегка покачивала головой, как бы намекая, что она еще не поняла, что за птица к ним залетела, однако оказывала незнакомцу всяческие знаки внимания. Валька заглянула в соседнюю комнату — Анечка и бабушка уже спали. Валька тихо прикрыла дверь и со вздохом вернулась к гостям. Тетя Дуся поила мужчину чаем с вишневым вареньем и домой вроде не торопилась — видно, не терпелось узнать, зачем тот пожаловал. Валька вздохнула, насыпала сушек в вазочку и тоже присела за стол, ей очень хотелось есть — ведь целый день ничего не ела, но при незнакомце было неудобно.

— Валентина Васильевна, — начал, наконец, мужчина, — меня зовут Михаил Петрович, и я представляю интересы своего заказчика. — Он сделал паузу, а Валька и тетя Дуся в недоумении переглянулись.

— Вам чего надо-то? — не выдержала тетя Дуся.

— А надо мне вот что... Я хочу вам сделать выгодное предложение... Мы покупаем у вас эту землю за о-очень хорошие деньги, а вы переезжаете в другое место.

— В какое место?

— Это уж, какое вам понравится. Только сделать надо все быстро.

— Но как же так? Я не могу... и как же без мамы?

— У вас документы на землю есть?

— Есть, конечно, и на землю и на дом, но без матери я не могу продать.

— Ничего, это мы уладим.

— Да нет, не могу я без ее согласия продавать.

— Валентина Васильевна, давайте сделаем так, вы все обдумаете, а через день дадите ответ. Хорошо? Не провожайте меня.

— Погодите! — Тетя Дуся опомнилась первой. — Погодите-ка! А денег-то сколько дадите?

— 20 тысяч.

— 20 говоришь? А не маловато будет?

— Помилуйте, да кто же вам больше даст за это, с позволения сказать, жилье? В крайнем случае, мой клиент немного добавит. Всего хорошего.

Дверь хлопнула, тетя Дуся вернулась за стол, а Валька ела холодную кашу прямо из кастрюли.

— 20 тысяч... Слышь, Валентина, чего этот «губошлеп» предложил. Деньги вроде хорошие, но узнать надо, что купить-то на них можно. Ты пока время потяни, ничего не подписывай, а у людей знающих поспрашай.

— Да не буду я ничего продавать, к тому же и мать не согласится.

— Да и где она, мать-то твоя?

Через день Михаил Петрович явился за ответом. Валька опять ему сказала, что ничего продавать не собирается, тем более, дом оформлен на мать. Тогда он попросил адрес брата и сказал, что этот вопрос он постарается уладить. Валька в ответ пожала плечами, пусть договаривается с матерью, она все равно дом не продаст. А тут соседка тетя Галя, повстречав ее у колодца, сказала, что к ней тоже этот губошлепый приходил, и она будет продавать дом, пока деньги дают, все равно тут глухомань. А тетя Дуся еще от нескольких слышала, что дома у них покупают. Среди деревенских поползли разные слухи: кто говорил, что землю скупают под строительство коттеджей, а кто говорил, что у них месторождение нашли, то ли нефти, то ли газа. Слухи подтверждались приездом чиновников, которые ходили, осматривали, записывали, вымеряли, но на вопросы жителей не отвечали.

Валька еще раз съездила в райцентр, на этот раз попала на прием и отдала документы. Ей сказали, в течение 30 суток рассмотрим. А как жить этот месяц, если деньги кончились и кроме картошки и морковки есть нечего. Надо опять ехать в город, искать работу, другого выхода нет. А как

быть с Анечкой и бабушкой? Тетю Дусю неудобно просить, сама ведь уже немолодая, да и платить ей нечем. Но просить ее и не пришлось. Как-то она сама зашла вечером, Валька с Анечкой как раз ужинали.

— Садитесь, тетя Дусь, поужинайте.

— Вот ватрушечек испекла, кушайте, мои дорогие. Это что же, весь ваш ужин? Вальк, девочке ведь витамины нужны, не может она одной картошкой питаться. Я вот тут подумала — надо тебе на работу определяться.

— А как же с Анечкой быть — садика ведь у нас нет, а еще бабушка?

— Я пока в силах, пригляжу, чего уж.

— Тетя Дусь, я ведь платить-то вам не смогу.

— Ты чего! Чего удумала?! Платить! Я чего у тебя денег просила?! Дуреха! Не нужны мне твои деньги, смотреть я не могу, как ты мучаешься. Может, позвонила бы тому, другу Толика, что в Москве живет?

Валька покачала головой.

— Ну ладно, это дело хозяйское. Ты подумай насчет работы-то.

— Я прямо завтра поеду в Озерный. Зайду к однокласснице своей Зинке Ивановой, она в магазине работает, может, присоветует чего, она ведь все знает.

— И то верно, так и сделай.

Магазин Валя помнила еще со школьных времен, вывеску только поменяли, раньше был просто «Магазин», а теперь «Универсам», а в остальном, как и прежде. Она открыла дверь и сразу увидела Зинку. Та с деловым видом, возвышаясь над грузчиками, принимала товар, рядом терпеливо топтались люди. Валентина встала в очередь и наблюдала за Зинкой. Все такая же командирша, волосы покрасила, теперь блондинкой стала, грудь и раньше была большая, а теперь, вроде еще больше стала. Голубые глаза были густо подведены синим карандашом, а на полных губах перламутровая помада, а еще она обладала удивительно низким голосом. Валька вспомнила, как в школе ее даже самые отъявленные хулиганы побаивались, во всяком случае, старались не задевать. Зинаида не торопясь, приняла товар и, наконец, повернулась к очереди и улыбнулась — господи, сбоку сверкнула золотая фикса и, вроде, Зинаиде украшение это очень нравилось, поскольку она все время старалась ее показать. Работала она быстро, ловко взвешивала, заворачивала, покрикивала на покупателей, которые ей не перечили и смирно дожидались своей очереди.

— Ой! Трофимова! Какими судьбами? Сто лет тебя не видела! Ну ты даешь! По-тихому замуж вышла, ребенка, говорят, родила и пропала. Косу-то не отрезала? Вам чего, женщина?! Не видите, я занята?! Все торопятся...

— Зин, я лучше попозже найду в обед.

— Смотри, обязательно приходи. Ой! Я ж сегодня с обеда отпросилась.

— Ну тогда в другой раз как-нибудь.

— Не, Трофимова, так не пойдет. Без десяти два жду тебя у выхода... Что вы ждете, женщина? Ну говорите что-нибудь! Ничего не выбрали? А чего ж вы здесь битый час стояли? Ну народ...

Валька вышла из магазина, посмотрела на часы. До двух еще три часа. Она огляделась, не зная, чем себя занять, бездумно шла по центральной улице. Как давно она здесь не была. Вот кинотеатр «Пламя», куда они с Лешей ходили, вот кафе-мороженое, напротив ресторан «Русалка». В кафе они с Лешей тоже были пару раз, а вот в ресторане Валька не была. Кто-то очень знакомый показался на крыльце ресторана. Кто же это?

— Валентина!? Неужели ты?

— Димка! Петренко! А я тебя сразу и не узнала! Такой важный стал.

— Не важный, а солидный. Ну чего мы здесь стоим, давай подвезу. — Он широким жестом открыл дверцу шикарной машины.

Валька замешкалась.

— Да мне в общем-то, никуда не надо, я с Зиной Ивановой договорилась встретиться в два часа, а пока вот просто гуляю.

— Садись, раз время есть. Мне тут в одно место только заскочить, и я свободен. Поехали.

Валька махнула рукой и села в машину.

— Ну, рассказывай, как живешь. Слышал, замуж вышла.

— Муж умер.

— Вот те на... Да уж... Не знаешь, как оно повернется... Ничего, ты у нас девушка красивая, вон какие ямочки, а коса... Ты косу-то не остригла?

— Да вот она в пучке.

— Уф! Слава Богу... Такая коса... в общем, одна не останешься.

— Да я и так не одна, у меня дочка, Анечка.

— Да ну? Сколько дочке-то?

— Четыре годика.

— Ни фиги себе, вот время летит. Слушай, а ты все там живешь-то? В Грибках?

— Все там.

— Там же глухомань совсем. Чем ты занимаешься?

— Да вот работу ищу, поэтому и приехала. Думала Зинка что присоветует.

— Да брось! Нашла у кого совета спрашивать, у Зинки Ивановой! Что она тебе предложить

может? Продавщицей у них работать? Это не для тебя, воровать ты не сможешь, обвешивать тоже, ты у нас девушка принципиальная... Пстой-ка... Кажется мне пришла хорошая мысль... Тут к нам прибыл один бизнесмен из самой Америки, я сам его встречал квартиру ему снял на год, временно к нему приставлен водителем. Так вот, ему нужна помощница по хозяйству. Ты как, сможешь?

— А что надо делать?

— Ну убрать, приготовить, постирать.

— Да смогу, конечно.

— Вот и отлично... Так, мне вот сюда ненадолго забежать надо... Ты посиди пока, журнальчик почитай, я быстро.

Валька даже не успела возразить, да и зачем. Делать все равно нечего, а в машине так приятно, она посмотрелась в зеркало — вроде все в порядке, можно журнал посмотреть.

— Ну вот и я, на сегодня совершенно свободен. Сейчас звякну нашему американцу.

— Здравствуйте, Макс, это Дмитрий...да... Как устроились? Я как раз звоню по этому поводу. Помощницу вам нашел, когда можно заехать? Сейчас? Окей.

— Дим, а по-русски он говорит? Я ведь английский только по школьной программе знаю.

— Говорит, конечно, он русский, то есть Гольдберг, но, в общем, мужик хороший. Ну чего ты испугалась?

— Может, я не смогу, как он привык.

— Здрасьте, приехали. Тебе работа нужна? Тогда поехали.

Макс Гольдберг жил в новом девятиэтажном доме, который гордо возвышался среди старых двухэтажных домиков, но из некоторых уже были выселены жильцы, и окна зияли пустыми проемами, видимо, осталось недолго им тут стоять.

— Скоро не узнаешь наш Озерный, смотри, какие дома строим, современные, со стеклопакетами, с улучшенной планировкой...

— Дим, а можно в таком доме купить квартиру?

— Естественно.

— Сколько она может стоить?

— А тебе зачем?

— Да ко мне тут приходил один, хочет дом наш купить.

— Сколько предлагал?

— 20 тысяч.

— Долларов?

— Ты чего? Рублей, конечно.

Димка пренебрежительно присвистнул.

— За такие деньги ничего не купишь, разве что сарайчик.

— Да я и не собиралась продавать, так поинтересовалась.

— Постой-ка! Вспомнил! Краем уха слышал, что-то в Грибках хотят строить, то ли поселок коттеджный, то ли трассу, вот землю и скупают, а это значит...

— Что?

— Что землю можно выгодно продать... — Он пропустил ее в лифт — Так, нам на пятый. — Валька стала поправлять пучок.

— Зачем ты косу в пучок спрятала? Такая красотища... Ну вот, пришли, — Димка нажал на кнопку звонка и весь подобрался — Здравствуйте, Макс, а вот и мы.

— Добрый день, проходите. У меня мало время, приступим сразу к делу. Меня зовут Макс, а вас?

— Валя... Валентина.

— Я еще толком не распаковал свои вещи. Значит, все разложить, повесить, что-то постирать и погладить. Машинка стиральная в ванной комнате, утюг и доска там, в гардеробной. — Он говорил и показывал Вальке квартиру, внезапно обернулся, она от неожиданности уткнулась ему в грудь.

— Ой, простите.

— Самое главное не сказал — я буду платить вам 150 долларов в неделю, отдельно буду давать на продукты. Суббота и воскресенье — выходные,

но возможно попрошу кое-что сделать за отдельную плату. Вас устраивает такой распорядок?

Валька зачарованно кивнула.

— Отлично. Завтраком и ужином кормить меня не обязательно, только приготовить. А вот обедом — желательно. Обедать я буду дома, здесь негде больше поесть... Да, иногда надо будет организовать небольшой фуршет. Посмотрите, что там надо купить из посуды, ну и вообще... Так, вот ключи. — Он уже был у входной двери и вдруг опять резко повернулся.

— Совсем забыл. Дайте мне номер вашего мобильного телефона.

Димка слегка ее толкнул в бок, не давая сказать — Да она вот как раз пойдет покупать новый, а то старый совсем плохо работает.

— Это правильно. Купите надежный, надо, чтобы связь была хорошей, без перебоев. Дмитрий сразу же запишите Валентине мой телефон и сообщите мне ее. Да, вот деньги на продукты. Я не вегетарианец, ем все, главное, чтобы продукты были свежие. Жду вас завтра. До свидания.

Дверь захлопнулась, Валентина ошеломленно тарасилась на деньги, не веря, что столько бывает.

— Ну вот, а ты боялась.

— Господи, Димка, я не смогу, — она в отчаянии застонала.

— Чего ты не сможешь-то?

— Он же привык, наверное, все заморское, фуршет... Я читала, конечно, но что надо подавать на эти фуршеты?

— Да это, когда стоя едят, просто закуска.

— А стирать? Я ж не умею в машинке, у нас никакой машинки нет, у нас вода в колодце.

— Так, пойдем в ванную, с этим я тебе помогу. Ну вот, смотри, здесь инструкция есть. Иди осматривайся, а я пока почитаю.

— А деньги? Зачем так много?

— Может и немного, ты загляни в холодильник, проверь, что там есть, потом порошки разные надо купить, ну мало ли что. Все, иди разбирайся.

Валентина обошла квартиру. Сколько же здесь комнат? Ну это столовая или гостиная, а это, конечно, кабинет, там спальня. Ого! Ничего себе шкафчик. Господи! Сколько же у него вещей? Но, отодвинув зеркальную дверцу, она обнаружила, что шкаф был наполовину пуст, зато там стояли чемоданы и пакеты, надо полагать с вещами, про которые он сказал «разобрать». Валька открыла чемодан, стала аккуратно развешивать вещи, проверяя, все ли чистые. Разбирая вещи, она пыталась вспомнить внешность Макса, но поняла, что не запомнила его совсем, наверное, от робости боялась на него взглянуть. Вроде темные волосы,

высокий, в очках, очень строгий, хотя и молодой. Сколько же ему лет? Почему она решила, что молодой? Она задумалась...

— Валь!! Где ты там? Иди, покажу, как работает машинка и поедем в магазин, пока время у меня есть, помогу тебе купить телефон и продукты.

Со стиральной машинкой Валька разобралась быстро, а вот, что покупать на обед, не могла придумать.

— Надо было его спросить, что приготовить, а то вдруг сварю, а ему не понравится. Дим, подскажи, что варить-то?

— Да обыкновенный обед. Борщ можешь приготовить? Да? Вот и отлично.

— А на второе?

— А на второе мясо поджарь. Вырезку. Сейчас на базар съездим там все и купим.

Сидя в машине, она вдруг вспомнила про телефон.

— Димка! Я же не умею пользоваться телефоном этим, да и денег у меня нет, чтобы купить.

— На телефон я тебе дам, потом отдашь, не переживай. Вот как раз и связной. У тебя паспорт с собой? Ну и отлично. Вперед и с песнями!

Через полчаса они вышли из связного с новеньким телефоном и пакетиком с инструкцией, которую Валентина попыталась читать.

— Дима! Стой!

Димка резко затормозил.

— Что?!

— Надо же Зинку предупредить, чтобы не ждала меня напрасно.

— Тьфу! Я уж испугался. Так, давай-ка сюда свой мобильный, сейчас перекачаю тебе ее номер. Держи, я набрал ее номер, скажи, что в другой раз встретитесь.

Зинка долго уговаривала зайти хоть на часок, тогда на полчаса, ну хоть на минуточку, отстала только, когда Валька клятвенно пообещала через неделю с ней встретиться.

— Так теперь бери свой аппарат, я буду диктовать телефон Макса, а ты записывай.

— А как?

— Просто нажимай кнопки, дальше скажу.

Он продиктовал номер.

— А теперь нажимай вот сюда и записывай фамилию, нет, давай лучше имя — оно короче. Смотри, впереди буква, значит, один раз нажать, если третья, значит три раза. Ну вот, все получается.

— Дим, а что же он отчество не сказал?

— Не принято у них по отчеству. Только по имени.

— Как-то неудобно.

— Не бери в голову... Приехали... Да, на базар поздновато, но ничего, пойдем посмотрим.

На базаре половина прилавков пустовала. Димка быстро зашагал к павильону с мясом, Валентина еле успевала за ним.

— Мать, почем вырезка? Сколько?! А чек кассовый пробьешь? Нету? Тогда цена другая... А как ты думала? Ладно, давай вот этот кусок и этот. Весы-то точные? Что-то многовато. Вон та красавица мне сейчас взвесит, у нее точные весы. А вот эта лопатка почем? Нет, эту не надо. Взвесь нам вот эту грудиночку на борщ. Сколько?! Полтинник скинешь? Десятку? Да ты чего? Полтинник скинь я еще вырезку возьму... Ну что, Валюха, — она семенила за ним, пока он ходил и торговался — учись, пока я жив. Теперь овощи и что-нибудь молочное.

Димка легко ориентировался, лихо беззлобно торговался на базаре, а в магазине осыпал комплиментами продавщиц. Те отмахивались, но старались выбирать продукты получше: «Давайте я вам лучше вон той колбаски свешаю, только утром получили. Этот сыр очень вкусный, попробуйте и еще придете»... Валька стояла рядом, не пытаясь включиться в разговор, она совсем растерялась, только покорно следовала за ним, с тоской думая, что не сможет вот так торговаться, и вообще от всех этих событий у нее голова шла кругом. Вернувшись

в квартиру Макса, Димка быстро рассортировал продукты: что-то положил в холодильник, а что-то вынес на балкон, стиральный порошок отнес в ванную.

— Не забудь, овощи на балконе... Ну все, я пошел.

— Дима, постой! — Валька испугалась, что останется одна. — Погоди, может, не надо.

— Что не надо?

— Вдруг я не смогу?

— Слушай, Валентина, кончай базар, а? Лучше тебя все равно никто не сможет, я помню, какая ты всегда хозяйственная была. Вот что, ты запиши мой телефон, в случае чего, звони, но вообще-то мы с тобой часто будем видеться — он без меня, как без рук.

Димка ушел, а она вспомнила, что не позвонила Максиму, ему же надо оставить свой номер телефона.

— Макс... здравствуйте... извините...

— Кто это?!

— Это Валя, Валентина, я у вас дома сейчас... Я хотела сказать, что телефон купила, вы просили мой номер сообщить. Вы запишите, пожалуйста, я продиктую.

— Спасибо, нет необходимости, он высветился. Вы разобрались там?

— Да, почти все разобрала...

— Тогда попрошу вас приехать завтра утром к 9 часам. Сможете? Ну и отлично. На завтрак приготовьте овсянку, джем и тосты. Всего доброго.

В трубке слышались гудки. Ну ни фиги себе! Овсянку она сварит, а джем где брать и тосты. Быстро позвонить Димке.

— Дима, он сказал на завтрак овсянку, джем и тосты.

— Валь, это ты? Чего ты испугалась? Ты кашу варить умеешь?

— Конечно, овсянку я сварю, а джем-то купить надо и тосты...

— Зайди сейчас на кухню, открой полки, поищи там. Нашла?

— Да. Банка с абрикосовым джемом. Слушай, тут какие-то пакетики импортные с крупой. Может, из них надо варить?

— Валентина, свари из обычного геркулеса, уверен, ему больше понравится. Если нет геркулеса, сходи в ближайший магазин и купи, заодно купи хлеб для тостов, микроволновка и тостер стоят на столе рядом с мойкой. Нашла?

— А как ими пользоваться?

— Выдвинь второй ящик, там все инструкции. Все, мне некогда. Пока.

Валька открыла холодильник и вдруг почувствовала жуткий голод. А если отрезать кусочек колбасы, заметно будет? Нет, нехорошо, не

будет она есть его продукты и вообще надо список составить, сколько денег потратила и на что. Захватив из кабинета лист бумаги и ручку, вернулась на кухню и, вспоминая покупки, старательно записала весь перечень. Вспомнила, что надо купить геркулес и хлеб, быстро сбегала в булочную. Рядом был книжный магазин, и она подумала, что неплохо бы купить какую-нибудь поваренную книгу. Но продавщица, приятная женщина средних лет, посоветовала купить несколько журналов.

— Сейчас все молодые женщины учатся готовить по этим журналам. Очень удобно.

Валентина последовала ее совету и, купив несколько журналов, вернулась в квартиру Макса. Разобрав сумку, сразу же уткнулась в журнал. Вроде просто, и написано и показано. Рецепта борща там не оказалось, но его она и так умела варить. Она все подготовила для завтрашнего обеда: сварила мясной бульон, отдельно потушила овощи, подумала, что хорошо бы чесночку добавить, но вдруг он не ест чеснок... Надо выяснить... Теперь протереть пол и все.

— Вы еще здесь?! — Вдруг услышала голос за спиной и испуганно обернулась.

— Ой! Я не слышала, как вы вошли.

— О, я вижу, вы время зря не теряете. Если честно, я ужасно голоден.

— А я еще обед не приготовила, думала, что завтра, но тут есть колбаса, окорок и сыр, на рынке купили помидоры и огурцы... Да, еще творог можно со сметаной, а хотите я мясо пожарю.

Макс полез в холодильник и от удовольствия прищелкнул языком.

— Отлично, тут всего полно. Ну, если не трудно, пожарьте мясо, немного. Я пока приму душ.

Валька пожарила мясо, подумала и пожарила лук. Сделала салат из свежих овощей.

— Вы кушать где будете?

— Да здесь и буду на кухне. А это что такое? — Он ткнул пальцем в ее список.

— Это я для отчета написала, чтобы вы проверить могли.

— Для отчета?... Знаете, не надо больше для отчета писать. Я примерно знаю, что сколько стоит. Кстати, вы сами-то обедали?

— Нет еще.

— Тогда накрывайте на двоих, вместе и поедем.

— Нет, спасибо, — застеснялась она, — я дома поем, мне еще и на автобус успеть.

— Ну хорошо, больше не задерживаю. Да, Валя, я заметил, вы руками посуду моете, а почему не пользуетесь посудомоечной машиной?

— Да так удобнее вроде. Я инструкцию прочитала, но это ж надо целый день посуду грязную копить, я уж лучше так.

— Ну, как хотите. Так, значит, так.

В автобусе Валька не удержалась и съела один слоеный пирожок с яблоками, она купила в булочной несколько с разными начинками, еще купила сушек и мармелад. Пирожок был вкусный, Валька вздохнула, хотела взять еще, но удержалась, лучше дома со всеми. На остановке изучила расписание автобусов. Получалось, что выезжать надо не позже 6.30, иначе не успеет, а как же с Анечкой быть, она не подумала об этом? Тетя Дуся согласилась посидеть, но не ожидала, наверное, что так рано.

Тетя Дуся, услышав, сколько Валентина будет получать, очень за нее порадовалась и согласилась приходить рано, но ворчливо добавила.

— Конечно, по мне так лучше, если бы ты Анечку мне приводила, но опять же, как Иванну одну оставить... Валька, может, все-таки в интернат ее определить...

— Я же просила, тетя Дусь! Не могу я отдать бабушку, и потом, разве вы не заметили, ей ведь лучше стало — она даже говорить начала. А я денег заработаю и куплю ей то лекарство дорогое, помните, что врач говорил.

— Ну давай, давай, — вздохнула Евдокия Матвеевна.

Анечка так обрадовалась мармеладу, выложила весь на стол и стала распределять.

— Это на завтра, это на послезавтра, а это на послепослезавтра... Мама! А когда эти кончатся, ты еще купишь?

— Обязательно куплю, моя хорошая. А ты не забыла про бабушку и про тетю Дусю?

— Вообще-то забыла, но я с ними поделюсь... по-братски, — и стала заново считать мармеладки. — Это мне, это маме, это бабушке Иванне, а это тете Дусе.

Валентина поела гречневую кашу с молоком, спасибо тете Дусе, гречку принесла, и пошла в комнату к бабушке.

— Бабуль! Привет! Ты как тут?

— Хо-ошо.

— Ой, как здорово у тебя получается, все понятно. Давай я тебе белье поменяю и помазать маслицем надо, а то пролежни будут.

— Ва-ка, — дай ме-я.

— Не сдам. Тебе что плохо с нами? Ты у нас скоро ходить начнешь, вот я лекарство куплю, попрошу Макаровну, она уколы тебе поделает, и ты у нас на ноги встанешь. Поняла?

— Тя-ело те-е.

— Нет, не тяжело.

Валентина ловко поменяла пеленки, обмыла, протерла маслом. Бабушка лежала чистенькая, порозовевшая и с такой благодарностью и нежностью смотрела на нее, что у Вальки от жалости комок в горле встал. Господи! Скажут тоже, в интернат...

— Бабуль, а я работу нашла в Озерном... хорошую... Получать буду много. Сейчас тебе все расскажу, только Анютку спать уложу.

Анечка смотрела телевизор, одну свою порцию мармелада она уже съела и поглядывала на другую.

— Мам, а если я завтрашнюю порцию съем, а завтра больше мармелад есть не буду? А может быть, бабушка Иванна и не захочет мармелад? Она может быть его не любит.

— Тебе что, жалко бабушке мармеладку?

— Нет, мне не жалко, я не жадина.

— Ну вот и хорошо. Тогда твою завтрашнюю порцию на завтра, ладно? А то сразу не хорошо много есть, вредно для здоровья. Пойдем спать, доченька.

— А ты мне сказку обещала, про Дюймовочку.

— Ты же ее наизусть знаешь.

— Ну и что, зато она хорошая.

— Ну пойдём. Давай я тебе тёплой водички в умывальник налью. Ты пока умывайся, а я воды принесу на завтра.

На дворе было темно и прохладно, и то сказать — осень.

— Вальк! Это ты там ведрами гремишь?

— Я, тетя Галя...

— Что-то ты сегодня поздно. В Озерное ездила?

— Угу.

— А чего там делала-то?

— На работу устроилась.

— А что за работа-то?

— Хорошая работа. Ну я пошла, тетя Галь, мне ещё постирать надо.

Что за любопытство? Куда, зачем — все ей надо знать. Конечно, никакого секрета тут нет но, зная деревенских кумушек, надо прежде обдумать, что говорить, а то такие выводы сделают и такое наговорят, мало не покажется.

Пока укладывала Анечку, пока с бабушкой чай пили, пока постирала замоченное бельё, время прошло незаметно но, глянув на часы, Валька ахнула — уже половина второго, а вставать через четыре часа. Наскоро умылась и в постель. Провалилась в сон мгновенно, но утром встала по будильнику быстро. Есть ничего не стала, с волосами замучилась, пока расчесала, да заплела.

Может отрезать косу эту и не мучиться, говорят, деньги можно за нее получить... Надо взять с собой молока козьего в банке, если понравится Макс, она будет покупать для него у тети Дуси — все той подмога будет.

* * *

— Доброе утро! О, я вижу, все на столе! Спасибо.

Макс был в брюках, сверху — халат, чисто выбрит. Валька невольно потянула носом — хорошо как пахнет!

— Доброе утро! Макс, я не знаю, какой кофе вы пьете, и еще спросить хотела, вы козье молоко любите?

— Козье? — Он наморщил лоб, будто вспоминая. — Не помню, надо попробовать, хотя сыр козий люблю.

— Я вот тут принесла баночку на пробу.

— Ну-ка, — он налил немного в стакан, — вроде вкусно.

— Я тогда буду покупать для вас, вы не сомневайтесь, хозяйка козы очень чистоплотная.

— Хорошо, покупайте, только немного, а кофе я пью обычный, из кофеварки.

— Извините, я не знаю, как ею пользоваться.

— Ничего, я сейчас сам все сделаю, а вы посмотрите. — Он засыпал кофе, налил воды, что-то там нажал и невозмутимо продолжил есть кашу. Валька потопталась на месте немного, а потом подумала, что она здесь больше не нужна, и вышла в ванную. Весь пол был забрызган водой. Черт! Он что поаккуратней не мог? Надо шторку купить. Интересно, сказать об этом или на свое усмотрение? Она с завистью смотрела на ванную — вот бы здесь полежать в пышной пене, как в кино.

— Валя-Валентина!

— Да.

— Я ухожу, приеду где-то часа в три. Если что, звоните.

— Хорошо, желаю вам всего доброго.

Макс при этих словах задержался, окинул ее внимательным взглядом и ответил как-то подчеркнуто.

— И вам всего доброго.

Вальку почему-то очень смутили эти слова. Она закрыла за ним дверь, глубоко вздохнула и приступила к своим обязанностям.

Макс спускался в лифте и усмехался. Всего доброго. Это же надо! Какая-то она старомодная, хотя и молодая. Очень. И хорошенькая. Очень...

К часу дня у Вальки почти все было готово: обед сварен, квартира убрана. Еще она позвонила Зинке Ивановой, спросила, какие средства лучше

купить для чистки ванны, унитаза и плитки. Естественно начались расспросы — пришлось все рассказать. Зинка объявила, что у нее сегодня выходной и предложила встретиться у супермаркета. Валька даже обрадовалась, и поболтать можно будет, и Зинка присоветует чего-нибудь.

У Зинки Ивановой в каждом магазине были подруги и просто знакомые — это естественно, ведь городок небольшой, все друг друга знают, особенно в сфере услуг.

— Слушай, здорово, что я с тобой пошла, — бодро вышагивала Зинка, — заодно и себе вон, сколько накупила всего полезного. А теперь подруга, колись, расскажи, как живешь.

— Да что рассказывать? Я ведь тебе уже все рассказала.

— Мне непонятно, зачем ты за Толика Дерюгина замуж вышла? Он ведь из Соколова прибыл? Я с его братаном двоюродным одно время гуляла, так он рассказывал, что Толька пьет по-черному.

— Да так получилось.

— Ты ведь с Лешкой Самохиным гуляла, все ждали, когда ж вы поженитесь, а вы взяли да и разбежались. Оно, конечно, у Лешки такие предки... Папаша вообще олигарх, ну может не совсем олигарх, но мужик крутой. Он скупил все

строительные фирмы в округе и теперь у него огромное предприятие. У них теперь целое поместье у Зеленой рощи, помнишь, там, у реки? И пляж наш захватили и волейбольную площадку... Тачка у него огромная, крутая, а жену его на другой машине шофер возит, а Лешка тоже на машине, правда, сам за рулем. Недавно его видела, в магазин заскочил за сигаретами, ну разговорились, то да се. Говорит, институт закончил, теперь сюда возвратился, естественно, под родительское крыло. Только знаешь, какой-то он не такой стал.

— Почему не такой.

— Весь какой-то тусклый.

— Да ладно тебе, я его встретила недавно, по-моему, не изменился совсем, — и добавила совсем тихо, — даже красивее стал.

— Трофимова, а ты ведь по-прежнему в него влюблена, да?

Валентина неопределенно пожала плечами и перевела разговор на другую тему, но Зинку не так просто было сбить с интересной темы.

— Слушай, а хочешь, я вам встречу устрою, ну как бы невзначай?

— Нет, Зин, не надо ничего устраивать. Я видела его с девушкой... очень красивой, они прекрасная пара.

— Да откуда тебе знать, пара это или не пара. Нет, знаешь, лучше я организую вечер встреч.

Обзвоню всех одноклассников, соберемся, как культурные люди в кафе «Ромашка». Можно и учителей пригласить.

— Ты скажи еще, что ботаничку надо позвать.

— Не, ботаничку не надо, ну ее к лешему, а вот русичку можно. Помнишь, Екатерину Дмитриевну? Отличная тетка, всегда подсказывала и занималась дополнительно бесплатно, между прочим, а сама, нуждается очень. Ее на пенсию выперли. Она недавно ко мне в магазин приходила, ну я и выпросила. Муж у нее умер внезапно от инфаркта, сын уехал в Москву на заработки и пропал, дочка вышла замуж, а муж загулял, она к матери вернулась с ребенком грудным. Муж не помогает, так и живут на пенсию Екатерины. А что там за пенсия — слезы одни — это тебе не Москва, там и пенсия больше и еще мэр доплачивает. Вот скажи, чем это московские пенсионеры лучше наших? Они что, работали все на вредных производствах? Тьфу!..Ну что, Трофимова, организуем вечер встреч?

— Давай, так хочется со всеми повидаться.

В конце недели Макс выдал Валентине зарплату, она заглянула в конверт только на улице и набрала номер Зинаиды.

— Привет! Сегодня работаешь? Тогда я к тебе сейчас подъеду.

— А чего случилось-то? — Пробасила подруга.

— Да ничего не случилось, спросить кое-что хочу. Все, сейчас подъеду.

Зинка стояла у входа, возвышаясь над прохожими, и курила.

— Ты можешь сейчас поговорить?

— Конечно, у меня перекур.

— Вот, смотри.

— Ого, доллары.

— Это зарплата моя недельная.

— Класс!

— Так мне их поменять надо на нормальные деньги.

— Нормальные как раз эти, но если на рубли поменять, то в сбербанке или в обменнике у «Ромашки».

— Наверное, лучше в сбербанке.

— Тогда чимчикуй через дорогу, вон слева, видишь?

— Спасибо, Зин.

— Ну нет, — возмутилась Зинаида, — на спасибо кашу не сваришь. Надо это дело отметить.

— Да я с удовольствием, но дома Анечка.

— Стоп! Ты пока беги в сбербанк, а я на завтра отпрошусь и поеду с тобой. Сейчас прихвачу что-нибудь из жратвы.

— Не надо, давай сходим в супермаркет и там все купим, мне еще в аптеку надо заскочить, лекарство для бабушки купить. Ну, все, я побежала.

В автобусе Зинка всю дорогу кокетничала с молодым водителем.

— Откуда такая красавица взялась? Вон ту я часто вожу, а тебя первый раз вижу.

Тоже в Грибки едешь или подальше?

— Если пригласишь, можно как-нибудь и подальше проехать.

— С тобой хоть на край света.

Валька улыбалась, слушая их треп, и представляла радость Анечки. Она купила ей куклу Барби — та летом видела у тети Галиной внучки и несколько дней все рассказывала, какая это замечательная кукла, потом стала выяснять, что ей подарят на день рождения, а потом долго вздыхала, бросая выразительные взгляды на мать. Тете Дусе купила крышки для консервирования и теплый халат — она обрадуется, а то ее уж не отстирывается, а бабушке — лекарство. Завтра с утра надо будет забежать к Макаровне, она когда-то работала медсестрой в поликлинике в Озерном. Сейчас-то она на пенсии, но никому в помощи не отказывает, денег не берет, но отблагодарить как-то надо — Валентина купила ей коробку шоколадных конфет.

— Валька! Как ты здесь ходишь-то? Тут же только на тракторе добраться можно! Ну и дорожка, чтоб ее!

Всю дорогу Зинаида причитала и чертыхалась, в душе жалея, что поперлась в такую глушь, но ближе к дому повеселела и даже стала напевать.

— А вот и мы!

— Мама приехала! Мамочка! — Дочка с визгом бросилась ей на шею, потом увидела чужую женщину и застеснялась.

— Тетя Дусь! Это моя подружка, мы в одном классе учились, Зина Иванова. Зин, проходи, не стесняйся. Аня, покажи Зине, где можно руки помыть, а мы с тетей Дусей пока все разберем и стол накроем. Я сегодня зарплату получила, надо это отметить.

Когда сели за стол, Аня заметила в пакете коробку.

— Мам, а что в той коробке лежит?

— Ой! Что же это я? — Валька, смеясь выскочила из-за стола — Это же тебе.

— Мне? — Округлившимися глазами девочка заморожено смотрела, как мать достает из коробки куклу.

— Ура!! Кукла!! Это Барби! Бабушка Иванна! Мне Барби купили! — Она понеслась в комнату к бабушке показывать куклу.

— Тетя Дусь, а это вам.

— Батюшки-светы! Какая красота! В нем только по праздникам ходить. — И тут же выговорила — И зачем ты денег столько потратила, транжира. Ну такая красота! Спасибо тебе. Господи! Еще и крышки купила! Небось всю зарплату профукала!

— Ничего, я через неделю еще получу.

— Ну все, — вступила Зинка, — торжественная часть окончена. Давайте выпьем за знакомство.

Они пили сладкое шампанское, закусывая жареной картошкой, солеными огурцами, колбасой и сыром. Потом немного попели и стали вспоминать школу. Тетя Дуся уложила Анечку спать, еще раз поахала над подарками и пошла к себе, надев на тапочки галоши. А девчонки выпили еще и, забравшись с ногами на диван, разоткровенничались.

— Знаешь, Валь, а я ведь в Лешку Самохина была влюблена, да, не удивляйся. Между прочим, в него были влюблены почти все девчонки из класса, а он, как верный рыцарь, был предан только тебе. А ты вообще никого вокруг не замечала кроме своего Лешеньки. Почему вы расстались-то?

— Так получилось, он уехал...

— Ну?

— Ну и все.

— Нет, Валентина, что-то здесь не так, он ведь приезжал, я сама его сколько раз видела, да и Димка говорил. А ты прямо сразу замуж вышла, да еще ребенка сразу родила... Постой... А ребенок-то случаем не Лешкин? — Она хлопнула себя по лбу. — Ну конечно! Ведь вылитая! Один портрет! Вот здорово! Ой!.. — Она замолчала и уставилась на Вальку. — Валь, а он-то знает?

Валентина покачала головой.

— Почему?

— Сама не знаю, глупо получилось... Хотела сказать, думала, что приедет, а он как-то холодно со мной разговаривал, в общем, получилось вот так...

— А если сейчас сказать ему?

— Нет, не хочу. Понимаешь, Зин, я встретила его с девушкой...

— Да говорила уже ты про эту девушку!

— Нет, я поняла тогда, что мы стали чужими.

Зинка задумчиво смотрела на нее.

— Ну и бес с ним, с Самохиным, другого найдешь, получше.

— А ты, Зинаида, почему одна?

— То меня бросили, то сама я бросила — все пустое, по-настоящему не влюбилась еще ни в кого. Да и кого тут найдешь? Жду принца, а все шуты

попадаются. Надо в Москву ехать, там женихов полно... Ладно, давай быстренько все приберем и спать.

День был выходной, Зинка тоже не работала и вызвалась помочь по хозяйству, Валя попросила ее погулять с Анечкой — погода была хорошая, солнечная, а сама устроила стирку. Она как раз развешивала белье во дворе, как ее окликнули.

— Валентина Васильевна!

Обернувшись, увидела стоявшего рядом Михаила Петровича. «И правда губошлеп», — подумала Валя, глядя на его сытую физиономию и толстые губы, которыми он постоянно причмокивал.

— А я по делу. Вот, — он похлопал по кожаной папке, — привез документы, а также письмо от вашей матери.

— Письмо? — Валька удивленно вытерла руки о передник и взяла письмо, быстро пробежала глазами и уставилась на Михаила Петровича.

— Видите, ваша матушка согласилась на продажу дома.

— А нам куда же?

— Но вы с дочкой себе что-нибудь купите, а бабушку, — он притворно тяжело вздохнул, — уж так и быть, поможем пристроить в пансионат.

— Ей нельзя в пансионат, она уже поправляться начала... Как же так?

— Валентина Васильевна, до конца месяца вы должны освободить дом.

— Это невозможно!

— Ну тогда мы примем меры, выселим, так сказать, принудительно.

— Нет, погодите, мне надо с матерью связаться. Она что-то не поняла... Господи! У меня же телефон есть!

— Вы, конечно, можете звонить, но документы все подписаны, я оставлю вам копии для ознакомления.

— Но мы здесь прописаны: и я, и бабушка и Анечка.

— Раз у вас есть телефон, дайте мне номер, я вам позвоню в понедельник. Всего хорошего.

Валька бестолково тыкала по кнопкам и неизменно получала ответ «не правильно набран номер», она в сердцах отшвырнула телефон. Вошедшая Зинаида застала ее неподвижно сидящей перед окном. Она несколько раз ее окликнула, Валя не отвечала.

— Эй! Трофимова! Очнись! Мы пришли, Анюта осталась на улице, вон куклу соседке показывает. Валь! Да что с тобой, случилось что?

— Вот, почитай.

— Это что такое, письмо?

— От матери... прочти.

Зинаида читала, время от времени вскидывала глаза на Валентину и переваривала содержимое.

— Чего-то я плохо поняла... Ты дом продаешь, что ли?

— Да не хочу я ничего продавать!

— А она пишет, что согласна. На что согласна-то?

— Понимаешь, этот мужик, Михаил Петрович прицепился ко мне с этим домом, чтобы продала. Я говорила ему, что дом записан на мать. Он попросил ее адрес и, представляешь, съездил туда. Вот, привез подписанные документы и письмо.

— Ага... А зачем она-то согласилась?

— Так ведь деньги большие. Видишь, она пишет, что 5 тысяч отдает мне, а бабушку чтобы в дом престарелых... — Валька не удержалась и всхлипнула. — Господи! Никогда она мной не интересовалась, представляешь, Анечке четыре годика, а она ее ни разу не видела и на бабушку ей наплевать! А как я могу ее сдать куда-то, ведь это она всегда была мне вместо матери. Знаешь, Зин, стыдно сказать, но я не люблю мать. Да какая это мать?! Целыми днями по соседкам бегала, сплетничала, да семечки грызла! А теперь вон, что надумала! Ей главное деньги, а нам-то куда деваться? — Валька зарыдала в голос и не сразу услышала, как из другой комнаты ее звала бабушка.

Она вытерла глаза, глубоко вздохнула и с улыбкой пошла к ней.

— Что с-училось? — Бабушка с тревогой всматривалась в заплаканное лицо.

— Да с чего ты взяла, бабуль?

— Я с-ышала, ты плакала... Кто обидел?

Валька грустно улыбнулась — бабушка, как и в прежние времена, сердилась и, казалось, готова была побегать и наказать обидчика любимой внучки.

— Бабуль, тебе ж встать придется, надо наряд тебе какой-нибудь приготовить, — попробовала отшутиться Валька, но бабушка продолжала хмуриться.

— П-очти пи-мо.

— Какое письмо?

— Я с-ышала. Да-ай... Да-ай... Да-ай.

— Бабушка, да что ты так нервничаешь, ничего не случилось. Подожди, я сейчас тебя покормлю, такие котлеты вкусные получились. Хочешь капусту квашеную или огурчик?

Бабушка замолчала и вдруг отвернулась к стене — Валька вздохнула — ну вот, теперь обиделась. Послышался Анечкин голосок, и она вышла из комнаты. А потом зашла тетя Дуся и, узнав про письмо, громко возмущалась.

— Ну и Клавка, ну и шалава! О чем она только думает?! Конечно, деньги глаза застыят! Ну и Митька, тут как тут, наверняка подзуживал. А Клавка как была, так и осталась беспутная баба и все поет под его дудку... И в кого она такая уродилась? И Татьяна Иванна и Степан Лексееич оба работающие и хорошие, а дочка... Как есть блоха. Срамота одна!

Она махнула в сердцах рукой и ушла к себе, не осталась обедать, сколько ее не уговаривали. После обеда Анечка захотела вдруг спать, а Зинаида предложила позвонить Валькиной матери со своего телефона.

— А почему я со своего не могу дозвониться?

— У тебя роуминг не подключен, а у меня есть, я же часто брату в Москву звоню. Давай, диктуй номер... Угу... гудки... На, говори скорей.

— Але! Мам!

— Кто это?

— Мам, это я, Валя.

— Ой, Валька... Ты откуда звонишь-то? Из Озерного?

— Я с мобильного звоню.

— У тебя что, мобильный есть? Так ты деньги получила за дом?

— Мам, ты что?! Зачем ты документы подписала? А нам теперь куда деваться?

— Да с такими деньжищами куда хочешь денешься. Лучше в Озерное ехай, там все-таки город, а то Грибки-то совсем захирели...

— Мама! На эти деньги ничего не купишь в Озерном.

— Ну тогда в Соколово ехай.

— И в Соколове ничего не купишь.

— Валька! Ты чего хочешь-то? Тебе денег, что ли мало? — В голосе послышались визгливые нотки, Валька поморщилась, а мать разошлась — А-а! Денег тебе мало? Я по доброте своей и так половину тебе отдала, могла ничего не давать, молодая, сама зарабатывать! Я на тебя всю жизнь горбатилась, а тебе все мало?! Ишь ты какая...

Валька нажала отбой и уставилась на телефон.

— Ничего себе, мамаша, — пробормотала Зинка, слышавшая весь разговор. — Значит так, не плачь, у меня тетка в БТИ работает, я узнаю, можно тебя выселить или нет. Да кто тебя тронет? У тебя ребенок маленький еще и бабушка... В общем, веселей, подруга, прорвемся.

* * *

Макс сообщил, что обедать не придет. В дверях он задержался, окинул ее пристальным взглядом и спросил.